

Л.Т. Рюмина

**ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ О РАБОТЕ В КУРМАЧ-БАЙГОЛЕ
В 1948-1949 гг.**

Здесь приводится отрывок из письма Людмилы Тимофеевны Рюминой-Сыркашевой, присланного мне в феврале 1998 г. в качестве отклика на статью «Из материалов этнографической поездки к челканцам в августе 1990 г.» (опубликована в сборнике: Проблемы этнической истории и культуры тюрко-монгольских народов Южной Сибири и сопредельных территорий. Вып.2. М., 1996. С.242-265). – прим. отв. ред.

«Прочитала Вашу работу «Из материалов этнографической поездки к челканцам 1990 г.», как будто вместе с вами побывала там. Хорошо бы всю работу опубликовать вместе с фотографиями. Когда спрашиваешь людей, не всегда всё вспомнят. А когда прочтут Ваш труд, после вам напишут, дополнят. Надо чтоб читали многие, а не зымыкать свои труды в рамках ученого мира.

Я работала в Курмач-Байгольской семилетней школе в 1948-1949 учебном году. Тогда вертолёт не летали туда. Добирались пешком или верхом на лошади. Летом полноводные реки Лебедь, Байгол не прогревались солнцем: горы, лес не пропускали солнечные лучи. Сначала была направлена в Клинскую начальную школу (пос. Кла) Кебезенского с/совета. После осенней учительской конференции была направлена в Курмач-Байгол. Шли с местной учительницей Пустогачевой Силой Савельевной. Сумачаков Семен из Суранаша переправлял нас на лодке на излучинах реки Лебедь до Сов.Байгола.

Рисунок 1.

Далее по реке Байгол мы брели сами. Брод в реке менялся. Где намоет песок, камни мелкие. А где ухнем в яму и идём мокрые. Не доходя <до> Сов.Байгола нам пришлось долго ждать Сумачакова. Думали, что не дождался нас, уплыл. Стемнело. Холодно. А у нас нет спичек. Видим, горит небольшой костерок. Давай его до одури в голове раздувать по очереди. Надо бы сушняк положить, да где в кромешной тьме найдешь его. Вдруг услышали <звук> упирания шеста о дно реки. Обрадовались. В Сов.Байголе ночевали. Благо, тогда любой пустит ночевать. Утром расстались с Сумачаковым: ему в Суранаш, а нам в Байгол. Нанырялись вдоволь. И с головой уходили в воду. Дошли до пасеки, что в шести километрах от Курмача. Сестра директора раньше нас выехала верхом на лошади, приторочив к седлу свою швейную машинку и мой чемодан. Выше писала, что реки были многоводные, лошадь шла вплавь. Анастасия Васильевна была красивая, стройная. Европейский тип лица. Антон Васильевич был рыжеватый, а Настя – черноволосая, кареглазая. Брат их Фёдор Васильевич был красивый, похож на русского. Последнее время жил в Турачаке (не Турочак, а Турачак. Тура (дом, изба), чак – уменьшительный, ласкательный суффикс).

Итак, поев на пасеке Пустогачева Санана, мы пошли дальше. К нам присоединилась учительница из Шукши. Её направили в другую школу. Не пожелав брести через реки, пошла горами. Вышла поздно. Ночь настигла. Волки напали. От страха она забралась на дерево и просидела там всю ночь. Волки ушли только утром. Ё трясло от страха и холода.

Сила Савельевна устроила меня на квартиру к своей тетке Пустогачевой (дев. Сумачаковой) Күскей Сангзаровне. Строгая, чистоплотная, работающая. Она – сестра сказочника Сумачакова Майгора Сангзаровича. У меня есть небольшая фотография, подаренная хозяйкой. На ней: брат Майгор с внуком (имени внука не знаю), Күскей Сангзаровна с внучкой Тоней и сын её Дмитрий.

Дмитрий был женат на Воробьёвой Тане. У неё была дочь от первого брака Воробьёва Тая, которая училась у меня в четвертом классе. Таня работала налоговым агентом.

Деревня была большая в одну улицу, около колхозного двора был небольшой переулочек в три дома.

Рисунок 2.

Сын директора школы был тогда четырёхлетним малышом. Выучился, стал врачом. Погиб в Комсомольске-на-Амуре при автокатастрофе. Антон Васильевич утонул, жена жила в Горно-Алтайске, умерла в 1993 году. Об этом написал мне их сын Марат.

Пёрёк (пёрёк) я тоже попробовала. Чуть не обожглась. Надкусила, а там сплошной жидкий, горячий жир.

В первый год моего приезда умерла мать моей ученицы Пустогачевой Софьи. Она лежала в гробу и руки были по швам. Я им говорю, что надо руки сложить на грудь, пока она не застыла. Молчат. Спрашиваю у учительницы, жены директора. Оказывается, такой обычай.

Когда я работала в Курмач-Байголе, Николай Каныкович работал в Эдирбесе, где живут комноштор.

Много интересного можно рассказать из жизни того времени.

У Вас упоминаются сыновья прапрадеда Михаила Михайловича, в т.ч. Торгочок. Я знаю Пустогачева Евстафия Торгочковича. Умер. Был вторым секретарём Турачакского райкома комсомола. Женат был на алтайке Табышкиной Любове Степановне (кандидат фил. наук).

Рыбу впрок заготавливали. Во время нереста ловили мелкую рыбу сачками из мешковин. Каким-то образом обрабатывали её,

очищали внутренности, сушили. Зимой варили суп. Навар был жирный. По-чалкански эта рыба называлась *одра*.

Мне очень нравилось то время. Работали дружно. Все работники района часто ездили по деревням. Лично помогали в работе во время уборки урожая, сенокоса. Знали во всех колхозах колхозников и членов их семей в лицо. Действительно болели душой за район.

Пишите:

Т'örгөм – теперь jörгөм

Куруткан эт (а не ет)

Жарым

Если что интересует Вас, пишите. Если знаю, помогу».
10.02.1998 г.